

Игорь Потоцкий

## Как огромен этот мир

### Время боли

В Париже я познакомился с Петром Алексеевичем Громовым. Его жена Клара Павловна была из рода князей Голицыных, она смотрела испуганными глазами на волны Сены, будто вспоминала судьбу поэта Пауля Целана. Она была стара и красива. Петр Алексеевич был младше жены на два года.

– Вот жизнь и прошла, – пожаловался Петр Алексеевич, улыбка слегка потревожила его тонкие губы. – Быстро и незаметно.

Клара Павловна ничего не сказала, только вздохнула. И в глазах ее промелькнула молния, а лицо на мгновение помолодело.

– Все в жизни относительно, – сказал Петр Алексеевич. – Я помню довоенный Париж, веселый и шумный. Я терялся в нем, ведь раньше жил в Праге, а этот город был более спокойным. Пражане обычно погружены в себя, а довоенные парижане казались мне слишком шумными. Женщины были не так красивы, как я их себе представлял, так что моя Клара выделялась среди них. Своими огромными глазами и классическими чертами лица. Тогда Клара была похожа на молодую патрицианку, описанную Овидием, только коварства в ней не было – одна нежность. А еще она мне казалась печальной и хрупкой, так что я все время боялся за нее, никуда не отпускал ее одну. Только однажды я согласился на ее свидание с Буниным.

– Я смутно помню само свидание, – призналась Клара Павловна. – Тогда я писала рассказы, но никому не давала их читать, но Петр Алексеевич, знавший писателя, настоял, чтобы я с ним встретила. Я заново перепечатала машинке два рассказа и пошла.

Мне не хотелось встречаться с Буниным, но разве я могла отказать мужу? Мы встретились в кафе «Флора», на писателя я старалась не смотреть, а он делал вид, что не замечает моей растерянности. Я любила его рассказы, особенно ранние, где Русь просвечивалась, как крылья стрекоз. И все было в этом тревожном отсвете, такой я и представляла эту страну, где рождались и умирали мои предки, а я родилась в Праге, к большому моему сожалению.

– Что было дальше? – нетерпеливо поинтересовался я. Во мне проснулось любопытство, сдержать его было невозможно. Наверное, этот вопрос задавать не следовало.

– Потом Бунин, – тихо сказала Клара Павловна, – прислал мне открытку с хвалебными словами в мой адрес. Он меня ободрял, а мне тогда писалось с трудом, потому что мы с Петром Алексеевичем бедствовали; он никак не мог устроиться на работу, да и случайных приработков у нас было мало. У нас началось Время Боли, когда одна неудача следует за другой, но я сразу поняла, что и у писателя Бунина была боль, она читалась в его глазах, которые он прятал от собеседника. И я научилась у него прятать глаза. Больше я ничему у Бунина не научилась. Меня его строчки, обращенные ко мне, грели, я часто их перечитывала, а Париж стал тихим, нестерпимо тихим, но мы из него никуда с Петром Алексеевичем не уехали, ведь он всегда любил Париж, и покинуть этот город для него было бы самым страшным наказанием. Вот мы тихо и пережидали Время Боли. И Время Боли ушло, как только мужа взяли на работу в одну из лабораторий больницы. А потом и меня завалили переводами. Я тогда хотела позвонить Бунину и сказать, что Время Боли исчезло, но долго не решалась попросить телефонистку соединить меня с ним. А потом я прочла в «Русской мысли», что писатель покинул нас.

– Все мы покидаем эту землю, – прошептал Петр Алексеевич и печально улыбнулся мне.

## Слова

Меня окружали самые разные слова: длинные, короткие, тихие, громкие, капризные, вздорные, размеренные, уверенные, плаксивые, нежные, страстные...

Вся моя жизнь всегда была построена на словах: я их произносил или слушал чужие. Слово за словом. И часто искал смысл, что был за словами.

И ко мне приходила Она. Маленькая девочка выросла в Прекрасную даму. Лепет сменился цитатами из Канта и Спинозы. И моя жизнь почти сразу же приклеилась к ее жизни, как почтовая марка.

– Ах! – говорила *она-ты*, – все здорово в этом мире.

И ее глаза сверкали, словно солнечные лучи. Сверкали и сверкали. А в словах блеска не было, и тогда я спросил:

– Хочешь, я научу тебя блестящим словам?

*Она-ты* ничего не сказала, упорхнув мотыльком.

А я прокричал самое звонкое слово.

Самое-самое-самое звонко-струящееся сло-сло-слово.

Без него моя жизнь ничего не значит.

## О Лорке

В 15 лет я впервые сбежал из маленького таежного городка Бикина на несколько дней в Хабаровск. Мне просто захотелось побывать в большом и шумном городе. Я оставил родителям записку: *«Дорогие! Не волнуйтесь. Я уезжаю в Хабаровск, вернусь через несколько дней»*.

Наверное, мама с отцом сильно волновались.

В Хабаровске я просто ходил по улицам. По Серышева, Истомина и другим. Денег у меня было мало, так что я питался исключительно пирожками с капустой и картофелем. Пирожки были горячими и вкусными. Меня поражало количество больших домов, а еще я боялся заблудиться и поэтому кружил по одним и тем же улицам, не отдаляясь от центра.

Потом я зашел в книжный магазин. И купил книжечку стихов Гарсиа Лорки. Маленькую, в суперобложке. Меня сразу же поразила ритмика его стихов. К тому же, как и в одном из его цыганских романсов, скоро сгустился вечер, и вспыхнули фонари, а окна в домах гасли постепенно: муравейник большого города погрязал в сон. Мне негде было остановиться – знакомых

в Хабаровске у меня тогда не было. Я сел на скамейку (под фонарем) в каком маленьком скверике и принялся читать Гарсиа Лорку, а прямо надо мной висела луна, словно выпрыгнувшая из лоркинского стихотворения. Мимо меня прошла женщина в роскошной цыганской шали, на ее запястьях звенели серебряные браслеты. Но, вполне возможно, что это мне только показалось.

Женщины и совсем молоденькие девушки – испанки, каталонки и цыганки – возникали из стихов Лорки, но быстро пропадали, как видения, с которыми невозможно поговорить. И я внезапно вспомнил рассказ моей бабушки Цили о том, что мой дедушка Борис привел к нам домой (это было в Одессе в 1936 году) маленькую испанскую девочку, но бабушка подняла крик, потому что семья жила трудно, что он должен уйти вместе с ней. И дедушка увел ее в ночь, а вернулся домой под утро один и целый месяц не разговаривал с бабушкой.

– Какая она была? – спросил я у мамы.

– Маленькая и печальная, – ответила мама. – Твоя бабушка потом плакала, что она не смогла оставить ее у нас, но дедушка об этом никогда не узнал.

Это была печальная история. Девочка спасалась в Одессе от франкистов, расстрелявших поэта Гарсиа Лорку. Потом я прочитал в воспоминаниях брата Лорки, что поэт перед расстрелом плакал, но не пытался уговорить своих палачей не убивать его. Эти слезы могли стать прекрасными стихами, но не стали.

Стихи о Гарсиа Лорке написали Пабло Неруда, Николай Асеев, Евгений Евтушенко. «Когда убили Лорку, а ведь его убили, жан-дарм дразнил молодку, красуясь на кобыле...»

Впервые мне стихотворения Гарсиа Лорки на испанском языке прочитал кубинец Хорхе Мартинес. Он учился в Одессе и весь был переполнен стихами Лорки, Мачадо, Хименеса. А я ему рассказал о Хабаровске и Лорке. Он удивился:

– Вот куда занесло поэта!

Говорил он не обо мне, а о Лорке.

А тогда я вернулся в свой городок Бикин к родителям. И отдал книжечку Лорки отцу, а он ее потом читал половину ночи. И тяжело вздыхал. Он воевал, мой отец. Дошел до Берлина. И, наверное, хотел воевать в Испании, но тогда он был слишком молод.

А потом, спустя полгода, ко мне пришла девушка, и юбка ее шуршала крахмалом. Как у Гарсиа Лорки.

## Из памяти

Она мне кричала, но я не остановился, потому что я был тогда молод – чуть больше двадцати, а ей было за тридцать. Одним словом, старуха. И почему это все мои знакомые считают ее мудрой? Непонятно. Да и не красива она, а привлекательна. Таких в Одессе много, а в Москве и Питере мало.

Я жил в Одессе и мимолетно с ней встречался. Наверное, я ей нравился, но она оставляла меня равнодушным. Такие женщины нравились Бальзаку. У него, скорее всего, был испорченный вкус. Но, вполне возможно, мой вкус страдает. Все-таки она была прелестной. И я должен был ее заметить. И покорить. Она хотела быть покоренной.

А потом я в нее влюбился, но было поздно: она потеряла ко мне интерес и сказала своей подруге Ж., что она меня видеть не может. Подруга Ж. пересказала ее слова мне и еще кое-кому из наших общих знакомых. Одному я набил морду, второй набил морду мне, а третьего...

Ладно, потом она снова влюбилась в меня.

Не верите? Спросите у нее. Только я ее телефон забыл.

## Это было, было!

Первый раз по Ленинграду меня водили Женя Ганелин и Алексей Егоров.

Они тогда были молоды, настырны и полны жизни. Трагедии их в то время обходили стороной.

Помнится, за водкой была огромная очередь. Женя Ганелин легко прорвался в самое начало.

– Понимаете, – говорил он своим актерским басом, – ко мне приехал друг из Одессы. И нам надо выпить за встречу и за Одессу. Как можно скорее.

Очередь расступилась и пропустила Женю к прилавку. Наверное, тогда все в Питере любили Одессу.

Сейчас Евгений Ганелин заслуженный артист РФ, преподает в ЛГИТМиКе, играет одну роль в театре имени Комиссаржевской. Там самом театре, где когда-то работала тетя Иосифа Бродского. Женька мне рассказывал: «Она стояла у расписания репетиций и спектаклей и бесподобно выговаривала матерные слова. В этом деле она была докой. Номером первым».

Женя снимался в разных фильмах, но больше про доблестных милиционеров. Неужели и вправду есть такие интеллигентные милиционеры?

Несколько лет назад я был приглашен в Питер на музыкально-поэтический фестиваль Сергея Осколкова и выступал в зале Союза композиторов. На следующий день я шлялся по Питеру. Случайно оказался возле театра имени Комиссаржевской, зашел, спросил Ганелина. Удивился, когда вахтерша неожиданно очень вежливо сказала: «Ганелин вас просил подняться в фойе второго этажа». «Как он мог догадаться, – пронеслась в моей голове мысль, – что я сегодня зайду в театр?»

Я поднялся по лестнице и увидел накрытые столы, много людей и Женю Ганелина.

– Привет, Гоша! – сказал он мне, улыбнувшись. – Ты не опоздал. Одесская интуиция тебя не подвела. Мне присвоили звание заслуженного артиста РФ, а сейчас мы будем это самое звание обмывать.

Алексей Егоров стал доктором психологии. Со всеми вытекающими последствиями. Но сначала он женился и остепенился.

Алексей показывал мне Петербург Федора Достоевского: «Вот эта улица, вот этот дом...». Эта была довольно безрадостная экскурсия. Алексей рассказывал мне о сумасшедших. Хорошо еще, что в подъезде, где Раскольников убил старуху, мне не стало плохо.

А потом я показывал Ганелину и Егорову *мою* Одессу с артистами, поэтами, писателями, музыкантами, художниками. Мы, помнится, зашли в мастерскую Иосифа Островского, друга Михаила Козакова. Он показывал свои светящиеся полотна с еврейскими старичками и сам светился, как они, на полотнах. Он умел отодвигать время, а Женя тогда испол-

нил одну из миниатюр Жванецкого. Замечательно. На ура! И мы выпили за Одессу и Питер, а потом за Питер и Одессу. Одну бутылку вина на четверых.

Несколько кадров из памяти. И только.

## Облако

Ты на нем сидела. Разумеется, на троне. Но трон был из какого-то очень легкого материала. Такого легкого, что облако спокойно его выдерживало вместе с тобой.

Потом я нарисовал тебя, держащую облако в своих раскрытых ладонях. Как у Шагала, хоть у него такого рисунка и нет... Поверь, я рисовал тебя с закрытыми глазами, потому что лишь закрыв глаза, я вижу тебя *всю*, а когда я их открываю, то часть тебя пропадает. Испаряется. Наверное, так происходит только со мной, но я ведь не профессиональный художник. Самоучка. И рисую только тебя и разные облака.

Здесь, на Земле, тебе со мной встречаться некогда. Ты изобретаешь сотни причин, чтобы отодвинуть наши встречи в сторону неопределенного будущего. И я всегда кричу тебе вдогонку, чтобы ты вернулась, но ты бежишь все дальше и дальше. Вернее, летишь облаком, не замечая меня. Куда-то за горизонт. Но потом ты мне звонишь, молчишь в телефонную трубку, но я слышу твое дыхание. А потом ты еле слышно говоришь:

– Гошка, я вернулась.

Ты от меня улетала двести лет назад и сто, и вчера. В своих маленьких босоножках, потому что они у тебя и вправду маленькие – из детства. И в своих очках, больших, даже огромных, скрывающих твои светло-лукавые глаза. При отлете ты мне ничего не сказала. Просто помахала рукой. А я боялся, что твои очки упадут и разобьются. Или ты их не найдешь в густой траве. Но я тебе ничего такого не сказал. Может, не успел?

Друг Сократ говорит, что у меня опять разыгралась творческая фантазия. Сократа на самом деле зовут Сашкой. Он доктор химических наук, самый молодой в университете – ему недавно

исполнилось 29 лет. Он никак не может сложить тебя и облако. А я могу, потому что я не доктор химических наук.

Сократ подтрунивает надо мной. Он женат и у него двое детей, и 20 проблем. Восемнадцать научных и две житейские. Он любит свою жену Клавку и боится, что она улетит на облаке, потому что может от тебя заразиться опасным вирусом. Оставит Сократа и двоих детей. И тогда Сократ не станет академиком. Но это уже вторая проблема. И поэтому он говорит мне:

– Сократи свою фантазию.

Я ничего не фантазирую.

Просто рисую и жду, когда ты мне снова скажешь:

– Гошка, я вернулась!

